

Лутин С. А.

Кафедра русского языка

Московский авиационный институт (ГТУ)

Sergey Lutin

Russian language department

Moscow aviation institute

ИНВАРИАНТНЫЕ ФУНКЦИИ РУССКИХ ПАДЕЖЕЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОГНОЗ

THE INVARIANT CASE FUNCTIONS AND COMMUNICATIVE FORECAST

Системная лингвистика, теория падежей, коммуникативный прогноз

The article is dedicated to the development of Melnikov's thesis of a forecasting ability of the languages with event communicative perspective; it is applied to the Russian case system.

Говоря о главном системообразующем свойстве флективных языков номинативного типа, к которым относится и русский язык, Г.П. Мельников подчеркивал, что, «каким бы ни был реальный повод для коммуникации и тот конечный сюжет, который в результате воспринятого сообщения создаст в своем сознании слушающий под воздействием смысла высказывания, смысл этот по возможности должен направлять творческое воображение слушающего по такому руслу, чтобы сюжет «просматривался» через сценарий развивающегося события, т.е. в событийном коммуникативном ракурсе. <...> по мере разрастания однородного языкового коллектива становится все более целесообразным именно событийный коммуникативный ракурс, ибо никакой иной ... не обеспечивает для слушающего такой высокой способности прогнозирования и, следовательно, надежного восприятия содержания при очень длительных цепях передачи и ретрансляции сообщений, характерных для больших однородных языковых коллективов, и только для них» [Мельников 2003: 118] (курсив — автора, подчеркнуто нами. — С.Л.).

Способность прогнозирования может быть обеспечена, по Г.П. Мельникову, такой техникой передачи информации, которая предусматривает «возможность проверки совпадения того, что хотел выразить говорящий, с тем, что понял слушающий. Но для этого говорящий должен сообщить слушающему, хотя бы в общих чертах, каков его замысел, чтобы слушающий мог сравнить этот замысел с реально услышанным сообщением и в случае совпадения убедиться, что

содержание понято правильно, а в случае несовпадения — прервать говорящего и выявить причину недопонимания» [Мельников 2003: 117].

Одним из основных элементов языковой техники, обеспечивающей ту способность прогнозирования, о которой говорил наш учитель и которую мы называем коммуникативным прогнозом, является в русском языке система падежей.

В ряде наших ранее опубликованных работ мы определили падеж *существительного* как словоизменительную грамматическую категорию, выражающуюся в системе противопоставленных друг другу рядов форм, с помощью которых оформляется представление говорящего (пишущего) о коммуникативно значимой роли каждого из участников описываемой ситуации [Лутин 2008: 8].

Это определение напрямую связано с пониманием Г.П. Мельниковым типовой композиции высказывания, имеющего целью изобразить сюжет в виде развивающегося события: «Сначала должен быть назван *субъект*, из знаний хотя бы самых общих свойств которого слушающий делает предположение, какое *действие* может осуществить этот субъект. Далее должно быть названо действие с формальным указанием на то, что именно данный субъект является его производителем и *инициатором*. После этого у слушающего¹ возникают предположения, какого класса «соучастники» могут быть втянуты в результате данного инициального действия и какова доля их участия

¹ В тексте монографии написано «...у говорящего...», что является явной опечаткой автора или наборщика.

в развивающейся таким образом *системе действий*, т.е. в *событии*. Если эти прогнозы подтверждаются тем, что дальше сообщит говорящий, то тем самым практически оказывается исключенной возможность, что содержание понято неверно» [Мельников 2003: 117–118].

В развитие приведенных основополагающих взглядов Геннадия Прокопьевича мы хотели бы рассмотреть в данной статье те *виды и механизмы коммуникативного прогноза*, которые обеспечиваются в русском языке падежной системой.

Каким образом, увидев слово в том или ином падеже, слушающий понимает, на какую роль соответствующего референта в описываемом событии пытается указать ему говорящий? Иначе говоря, какие именно предположения о роли и месте референта в событии можно сделать на основании падежной маркировки его имени в предложении (синтагме)?

Вместе с тем, было бы интересно понять, какие предположения о месте и роли самой словоформы в данном предложении (синтагме) можно сделать, исходя из падежной маркировки имени? С другой стороны, если мы можем ответить на предыдущие вопросы, то не можем ли мы, ориентируясь на знания о роли референта в описываемом событии и его имени в предложении, сделать какие-либо предположения о содержании самого события и о синтагматическом окружении слова *лишь по его падежному оформлению*? Другими словами, можем ли мы осуществить не только «отглагольный», но и «отыменной» прогноз, что особенно важно для русского языка как языка с нефиксированным порядком слов.

Мы предполагаем, что на основании падежной формы существительного потенциально можно сделать следующие виды коммуникативного прогноза: (1) функциональный прогноз, т.е. прогноз коммуникативно значимой роли референта в описываемом событии; (2) синтаксический прогноз, т.е. прогноз синтаксической роли имени референта в предложении; (3) прогноз грамматической дистрибуции, т.е. прогноз категориальных грамматических свойств окружающих эту словоформу компонентов высказывания; (4) прогноз лексической дистрибуции, т.е. прогноз лексического окружения. При этом любой падеж способен обеспечить функциональный прогноз; способность обеспечить остальные виды прогноза присуща падежам лишь выборочно.

Рассмотрим с этой точки зрения именительный падеж (далее — ИП), инвариантную функцию которого мы определяем как *маркирование имени генератора потенциального события* [Лутин 2008: 11]

Это значит, что, увидев/услышав слово в ИП, адресат может с высокой степенью вероятности пред-

положить, что далее может последовать высказывание, в котором референт названного в ИП имени будет изображен говорящим в качестве генератора последующего события. Другими словами, исходя из представления об инвариантной функции ИП, можно сделать прогноз о той *функции*, в которой говорящий предполагает изобразить референт данного имени, т.е. осуществить *функциональный прогноз*.

С другой стороны, мы не можем по одной лишь словоформе в ИП сделать никакого *синтаксического прогноза*, т.е. прогноза о синтаксической роли словоформы в предложении: сам ИП не указывает нам на то, является ли слово подлежащим (субъектом (*Книги лежат на столе*)) или объектом (*Книги прочитаны*), или входит в сказуемое (*Моё главное увлечение — книги*), или выступает в роли именительного представления (*Москва!.. Как много в этом звуке...*) — никакой собственно синтаксической информации словоформа в ИП сама по себе не несет.

Не можем мы сделать и никакого прогноза о *грамматической дистрибуции* словоформы в ИП, т.е. сделать предположение хотя бы о каких-нибудь категориальных грамматических свойствах компонентов высказывания, окружающих эту словоформу.

Что касается возможности *прогнозирования лексической дистрибуции* на основе падежного значения, то об этом вообще нельзя вести речь применительно к ИП, т.к. этот падеж не имеет собственно падежного значения (как например, значение орудийности у ТП или локативности у ПП²), т.е. падежная маркировка не привносит в лексическую семантику словоформы никакого дополнительного семантического оттенка. Другими словами, прогноз лексической дистрибуции словоформы в ИП осуществляется исключительно на основе лексической семантики слова.

Таким образом, на основе грамматических свойств ИП:

– функциональный прогноз	возможен (+);
– синтаксический прогноз	невозможен (–);
– прогноз грамматической дистрибуции	невозможен (–)
– прогноз лексической дистрибуции	невозможен (–).

Если слово употреблено в одном из косвенных приглагольных падежей, то общающимся на русском языке становится, в первую очередь, понятным, что соответствующий референт является непосредственным участником актуально описываемой ситуации (в отличие от ИП, который сам по себе указывает

² Ср.: говоря о наличии различных значений у различных падежей (таких как адресата, орудийности и т.п.), авторы [Граматики 1980] отмечают, что в этом смысле «субъектное значение им.п., как правило, ничем не осложнено» (§ 1157).

лишь на потенциальную готовность участвовать в событии в качестве его генератора). Во-вторых, становится понятно, что он не является генератором данного события. Роль же и степень его участия в событии маркируется говорящим и понимается слушающим посредством того или иного падежа.

Если говорящий маркирует имя участника творительным падежом (далее — ТП), то он, в первую очередь, указывает слушающему на высокую степень причастности референта к развитию события — участие в качестве вторичного генератора³. Таким образом, падежная форма ТП обеспечивает функциональный прогноз.

Однако, в отличие от ИП, ТП обладает широким кругом собственно падежных значений. Поэтому далее, опираясь на лексическое значение слова и сопоставляя его с кругом потенциальных грамматических значений этого падежа (орудийного, совместного действия, объектного и т.д.), реципиент может с достаточной высокой степенью вероятности сделать прогноз о текущем лексико-грамматическом значении словоформы в данном предложении и уже на основании этого сделать достаточно уверенный синтаксический прогноз: так, например, будучи маркированной ТП, словоформа *топором* вероятнее всего будет иметь текущее орудийное значение в силу орудийной семантики самой лексемы и наличия среди потенциальных грамматических значений ТП орудийного значения. Имея такое лексико-грамматическое значение словоформа *топором* не может быть объектом действия и, следовательно, косвенным дополнением, а может быть лишь обстоятельством, способствующим реализации действия (синтаксический прогноз). При этом, безусловно, нельзя исключить и другой синтаксической роли этой словоформы в беспредложном её употреблении (например, дополнения в предложениях со словосочетаниями *любоваться/интересоваться/быть довольным топором*), поскольку сам ТП может иметь и грамматическое значение объекта действия; но оно будет менее ожидаемо и прогнозируемо, чем орудийное. Так, если в рассказе встретится правильное со всех точек зрения предложение *Топором этим он всегда восхищался*, то такой рассказ должен быть с высокой степенью вероятности продолжен описанием особых свойств названного топора, которые и вызвали столь «непрогнозируемый» глагол и столь маловероятную синтаксическую роль словоформы *топором*. Если же говорящий на этом остановится, возникнет то самое несоответствие коммуникативного прогноза слушающего (который ждет лексическую дистрибуцию

«рубил/убил» и обстоятельственного значения) с реально услышанным сообщением; и слушающий будет вынужден «прервать говорящего и выявить причину недоразумения» [Мельников 2003: 117] с помощью, например, вопроса: «*А почему (этот топор вызывает такое восхищение)?*»

Если рассмотреть с указанных позиций словоформу *книгой*, где значение лексемы не имеет никакой особой коннотации, то услышав (увидев) эту словоформу реципиент, исходя из лексического значения этого слова, представления об инвариантной функции ТП и о круге потенциальных грамматических значений этого падежа, с достаточной степенью вероятности может предположить, что оно выступит в предложении в своем объектном значении, став дополнением при глаголах группы *любоваться/интересоваться/быть довольным*. Прогнозируемое с достаточной уверенностью появление глаголов этой группы говорит о том, что даже лексически не коннотированное слово, оказавшись в форме ТП, обладает способностью и к грамматическому, и даже к лексическому прогнозу. Это не значит, что нам не может встретиться другой контекст (например, с орудийным значением: *ударить одноклассника книгой по голове*), но его вряд ли можно считать прогнозируемым, т.е. в данном случае таким, к которому предрасположена словоформа *книгой*.

Ничем принципиально не отличаются и прогностические свойства, например, словоформы *лесом*: вероятнее всего, это будет обстоятельство (синтаксический прогноз) при глаголе движения (прогноз лексической и грамматической дистрибуции), при этом падежная форма этого обстоятельства будет указывать на то, что референт участвует в развитии события не просто как место его протекания (в отличие от *по лесу, в лесу*), а как вторичный генератор этого события: по аналогии с *дорогой, тропинкой*, он как бы (т.е. метафорически) ведет путника, определяя маршрут его движения (функциональный прогноз). При этом оговоримся ещё раз: речь идет именно **о прогнозе, т.е. вероятностном предположении** определенных свойств; так, в случае со словоформой *лесом* возможно и её объектное употребление (*интересоваться, любоваться, быть довольным лесом*), но почти невозможно орудийное, социативное, временное и т.д. значения.

Другими словами, мы можем не только однозначно предположить словоформу в ТП после, например, глагола *интересоваться*, но и с определенной степенью вероятности предположить объектное значение словоформы *книгой* и, следовательно, её синтаксическую роль дополнения при глаголах группы *интересоваться*, т.е. осуществить не только «отглагольный» прогноз грамматической дистрибуции (традицион-

³ Актуальной инвариантной функцией творительного падежа является *маркирование имени вторичного генератора события* [Лутин 2008: 14].

но признаваемый и называемый управлением), но и «отыменной» прогноз грамматической и даже лексической дистрибуции.

Ничем принципиально не отличается ситуация и с одушевленными существительными, которые, будучи маркированы ТП, оказываются предрасположенными либо к предикативному употреблению при знаменательных и полужнаменательных связках типа *стать, являться, считаться кем-л./чем-л (стать отцом, считаться героем* — очевидная возможность «отыменного» грамматического и лексический прогноза), либо к субъектному в пассивных конструкциях (*Дом построен рабочими* — грамматический прогноз пассивной конструкции, при невозможности, правда, лексического прогноза на основе семантики ТП). Подчеркнем ещё раз: при «отыменном» прогнозе есть именно предрасположенность, большая вероятность, прогнозируемость, хотя и нет однозначности; но **выбор из двух** — это уже не выбор из всех, т.е. налицо высокая прогностическая способность).

Таким образом, по отношению к глагольным словосочетаниям с беспредложным ТП мы можем говорить об их двусторонней лексико-грамматической прогнозируемости, а по отношению собственно к ТП, о том, что на основе его грамматических свойств:

- функциональный прогноз   возможен (+);
- синтаксический прогноз   возможен (+);
- прогноз грамматической дистрибуции   возможен (+);
- прогноз лексической дистрибуции   возможен (+).

Обратимся теперь к ВП (далее — ВП). Если слово как имя определенного референта употреблено в беспредложном ВП, то роль этого референта в описываемом событии прогнозируется практически однозначно: говорящий указывает слушающему на то, что этот участник ситуации при описании её как развивающегося события преподносится им как та субстанция, в которую окажется внесённым глагольный признак в случае успешного завершения события (функциональный прогноз)⁴.

Не менее однозначно оказывается и синтаксический прогноз: словоформа в беспредложном ВП практически всегда оказывается в предложении прямым дополнением. Можно осуществить и прогноз грамматической дистрибуции этой словоформы: глагол в предложении будет переходным и, скорее всего, невозвратным, а предложение в целом — активного залога.

Однако, в отличие от ТП, в случае с ВП невозможным оказывается прогноз лексической дистрибуции

словоформы на основе собственно падежной семантики: практически единственное грамматическое значение беспредложного ВП — прямообъектное — не позволяет сузить круг потенциально возможных переходных глаголов при словоформе в ВП; другими словами, прогноз лексической дистрибуции словоформы в ВП может быть сделан только на основе лексической семантики.

Иначе говоря, по отношению к глагольным словосочетаниям с беспредложным ВП мы можем говорить об их двусторонней грамматической прогнозируемости при невозможности прогноза лексической дистрибуции на основе собственно падежного значения,

Таким образом, на основе грамматических свойств ВП:

- функциональный прогноз   возможен (+);
- синтаксический прогноз   возможен (+);
- прогноз грамматической дистрибуции   возможен (+);
- прогноз лексической дистрибуции   невозможен (–).

Если слово употреблено в ПП (далее — ПП) с одним из предлогов, то осуществление функционального прогноза не вызывает затруднений: маркированное ПП имя референта указывает на место реальной фиксации события; предлог уточняет способ контакта при фиксации события *в/на/при/об* этом месте⁵. Однозначно определяемое собственно падежное, грамматическое значение ПП с обязательным предлогом — либо локативное, либо делиберативное — позволяет сделать и однозначный прогноз синтаксической роли соответствующих компонентов в предложении: обстоятельство места/времени при локативном значении; косвенное дополнение — при делиберативном.

В отношении возможностей прогноза грамматической и лексической дистрибуции, делиберативные и локативные предложно-падежные сочетания расходятся. На основе грамматического, собственно падежного значения локативного сочетания невозможно сделать никакого прогноза ни о грамматической, ни о лексической его дистрибуции: к примеру, локатив *в деревне* может относиться к существительным самых разных лексико-грамматических разрядов (*домик/жизнь/сбор урожая в деревне*); никак лексически не ограничено и приглагольное употребление этого компонента предложения. Иначе говоря, ни грамматическая, ни лексическая дистрибуция предложно-падежных сочетаний с ПП в локативном значении

⁴ Под инвариантной функцией винительного падежа в русском языке понимается *маркирование имени партиципанта-места потенциальной фиксации результата действия* [Лутин 2008: 23].

⁵ Актуальной инвариантной функцией предложного падежа является *маркирование имени партиципанта-места реальной фиксации события (при обязательном контакте с этим местом и конкретизации способа контакта с помощью предлогов)* [Лутин 2008: 20].

